

Сфера науки и высшего образования

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

RAND смотрит на Москву: военно-стратегические возможности России на постсоветском пространстве в оценках американских экспертов

Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

ЦИТИРОВАНИЕ: Кривопалов А.А. (2021). RAND смотрит на Москву: военно-стратегические возможности России на постсоветском пространстве в оценках американских экспертов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 193–211. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

Статья поступила в редакцию 25.04.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются аналитические доклады RAND Corporation за 2015–2020 гг., посвященные России, ее Вооруженным силам и политике Москвы на постсоветском пространстве. Автор исходит из предположения, что по сравнению с Россией экспертное сообщество США оказывает на внешнеполитический курс своей страны более значительное влияние. Связь между экспертной проработкой решения и его последующим политическим исполнением исторически является в США более тесной. Публикации RAND позволяют оценить ту роль, которую в общем ряду приоритетов американской национальной безопасности играют Россия и постсовет-

ское пространство. Понимает ли Вашингтон внутренние мотивы российских действий на международной арене? Как США оценивают военные возможности России? Наконец, насколько далеко может простирается их готовность искать компромисс с внешнеполитическими устремлениями Москвы? Аналитические доклады RAND Corporation способны пролить свет на то, как именно политические круги США представляют себе перспективы российско-американского соперничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, США, постсоветское пространство, стратегия, внешняя политика, Украина, RAND Corporation.

Широкая самостоятельность ключевых властных институтов остается характерной особенностью высшего государственного управления в США. Бюрократическая основа американской государственной машины, тщательно отрегулированная за два столетия посредством «сдержек и противовесов», все еще выглядит вполне дееспособной, хотя четырехлетнее пребывание Дональда Трампа на посту президента Соединенных Штатов, возможно, и станет началом ее популистского перерождения [Кузнецов, 2020]. В результате непрерывного взаимодействия институтов на свет появляются множественные компромиссы, последовательность которых в конечном итоге определяет магистральный политический курс сильнейшей державы планеты.

В американском алгоритме подготовки стратегических решений влиятельные аналитические центры, именующиеся «фабриками мысли» или *think tanks*, воплощают принципы тесной гражданско-военной синергии. Среди прочих можно выделить такие структуры, как Фонд Карнеги, Институт Брукингса, Фонд «Наследие», Гуверовский институт и знаменитую *RAND Corporation*. Основанная в 1948 г. *RAND* за годы «холодной войны» превратилась в одну из ведущих «фабрик мысли» США. Ее специализацией стала тема национальной обороны.

Крупнейшие американские аналитические центры тесно связаны одновременно и с университетами, и с высшими политическими кругами. В то же время они пользуются относительной административной автономией и самостоятельно распоряжаются значительными материальными средствами. Американское научно-экспертное сообщество обнаруживает некоторые черты замкнутой экологической системы. Научная работа в университете, го-

сударственная служба, экспертно-аналитическая деятельность на «фабрике мысли» и судьба профессионального партийного политика не образуют в США изолированных карьерных лестниц, лишенных горизонтального общения. Если военная служба в силу демократических традиций страны действительно во многом остается корпоративно обособленной, иные сферы деятельности циклически перетекают друг в друга. Работа в экспертном центре часто совмещается с преподаванием в университете. Университеты и «фабрики мысли» играют роль кадрового резерва для государственной службы. Руководители правительственных ведомств после выхода в отставку возвращаются в университеты либо берут на себя экспертное сопровождение работы своих преемников. Таким образом, аналитические центры фактически замыкают траекторию той орбиты, по которой вращается американская публичная политика.

Несмотря на очевидное снижение совокупной военно-экономической мощи Российской Федерации, по сравнению с Советским Союзом она воплощает серьезный вызов американским интересам в Центральной Азии и Восточной Европе. В связи с этим часть недавно опубликованных аналитических докладов *RAND* оказалась посвящена всестороннему рассмотрению той группы стратегических проблем, которые Москва, при всем ее, как полагают в США, исторически неизбежном упадке, по-прежнему создает Соединенным Штатам. Их содержание достойно того, чтобы ознакомить с ними российского читателя более подробно. Комплексное рассмотрение аналитической продукции *RAND* во многом объясняет то, как именно США видят российскую политику на постсоветском пространстве, и позволяет сделать достаточно неожиданные выводы в отношении перспек-

тив российско-американского взаимодействия на международной арене.

Упрощенное видение СССР в оценках экспертов RAND Corporation

В годы «холодной войны» СССР и Советская армия неизменно находились в центре внимания американских экспертов. Основные интеллектуальные усилия научного коллектива RAND были обращены на прогнозирование, анализ и нейтрализацию тех стратегических угроз, что генерировались Москвой¹.

Сегодня многочисленные аналитические материалы RAND Corporation, подготовленные во времена «холодной войны», находятся в общедоступном электронном архиве на официальном сайте корпорации. Поскольку экспертные оценки в той или иной степени влияли на политику Вашингтона, их ретроспективное изучение позволяет реконструировать особенности стратегического мышления США. Как выглядели в понимании американских ученых основные направления советского военного строительства? До каких пределов народнохозяйственный комплекс СССР был способен выдерживать навязанные ему темпы гонки вооружений? Что подтачивало советскую военную мощь? Где обнаруживались точки ее интенсивного качественного роста? Кроме того, американцев, воспитанных в традиции невмешательства военных в политику, неизменно интересовала советская практика взаимоотношений между высшим командованием вооруженных сил и партийно-поли-

тическим руководством. Наконец, аналитики RAND искали ответ на вопрос о скрытых мотивах советской внешней политики и о соотношении в ней идеологической догматики и прагматизма. Не установив этого, нельзя было сформулировать и адекватную стратегию сдерживания СССР в пределах его восточноевропейской сферы влияния.

Специфика взаимоотношений RAND с правительственными структурами и высшими военными кругами обусловила достаточно необычную форму презентации достигнутых результатов. Основным отчетным продуктом корпорации стал так называемый аналитический доклад. В зависимости от строгости изложения материала он мог именоваться *Research Report*, *Report*, *Paper* либо *Working Paper*. Общепринятые в университетах жанры научной книги и академической статьи не получили в RAND широкого распространения. Полноценные монографические работы корпорация издавала сравнительно редко².

Аналитические доклады, как правило, готовились на основании контракта с военным ведомством. Заказчиком могли быть министерство обороны, командования видов вооруженных сил, а также их высшие штабы. Часть докладов корпорация публиковала в инициативном порядке и финансировала их из собственных фондов. В отдельную группу можно выделить работы, которые готовились совместно с университетами. Обычно они именовались *Occasional Papers*³.

Материал, который в итоге ожидали получить военные и гражданские руководители Пентагона, должен был соответствовать определенным критериям.

1 См.: [Wolfe, 1972; Marshall, 1972; Lambeth, 1975; Lambeth, 1976; Gelman, 1982; Gustafson, 1983; Sadykiewicz, 1987; Alexiev, 1988].

2 См., например, работу, впоследствии опубликованную отдельным изданием: [Goldhamer, 1975].

3 См., например, исследование, подготовленное RAND Corporation совместно с Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе: [Adomeit, 1986].

Во-первых, служить введением в тему для неспециалиста, что предполагало широкое освещение рассматриваемого сюжета. Во-вторых, доклад следовало выполнять по возможности сжатым и, в-третьих, он должен был содержать практические рекомендации. Фронтальный охват заданной темы отличал аналитический доклад от академической статьи. В то же время глубина ее проработки не соответствовала требованиям диссертации или научной монографии. Правительственный заказчик, естественно, не мог годами финансировать изыскания кабинетных ученых. Чаще всего ему требовался быстрый результат, пригодный к практическому применению. В итоге конвейерный метод создания аналитических материалов оказывался несовместим с вдумчивым изучением социально-политического антипода Америки.

Погрызнув в рутине многолетней и во многом механической экспертной работы, аналитики *RAND* наряду с подавляющим большинством так называемых советологов до последнего как будто бы просто не замечали признаков надвигавшегося падения советской империи⁴. Еще в феврале 1986 г. один из докладов *RAND* изображал раздел Европы на сферы влияния как незыблемую константу международных отношений. Высказанный его автором прогноз гласил, что в обозримом будущем Германии предстоит остаться разделенной, а Восточная Европа по-прежнему будет входить в советскую сферу влияния. Более того, американский эксперт считал, что даже если Советский Союз не распространит свое господство за пределы «железного занавеса», Москва в состоянии оказать на западно-

европейские державы такое давление, которое на практике исключит их военно-экономический потенциал из того силового баланса, что сложился в советско-американском противостоянии [Van Oudenaren, 1986].

В докладе, опубликованном в ноябре 1988 г., высказывалось предположение, что объявленное М.С. Горбачевым сокращение вооружений едва ли зайдет слишком далеко и не подорвет глобальные возможности СССР [Gel-man, 1988]. Аналитический материал от января 1989 г. также не содержал катастрофических для СССР прогнозов [Becker, Horelick, 1989]. Доклад, опубликованный в августе 1989 г., признавал факт тяжелого экономического кризиса в Советском Союзе и вызванное им некоторое снижение международного авторитета Москвы. Несмотря на растущие финансовые затруднения, Советская армия по-прежнему сохраняла огромные боевые возможности. Автор не увидел симптомов скорой гибели СССР и сосредоточил основное внимание на проблеме снижения «аппаратного веса» генералитета в советском высшем руководстве [Warner, 1989].

Френсис Фукуяма, знаменитый автор «Конца истории», с 1979 г. также работал экспертом *RAND Corporation*. В докладе, который он подготовил в июне 1989 г., частичное свертывание советской помощи дружественным режимам в Анголе, Вьетнаме и на Кубе, вывод войск из Афганистана и сдержанное отношение к Ирано-иракской войне в Персидском заливе интерпретировалось как тактические маневры, не вносящие принципиальных изменений в долгосрочные цели советской внешней политики. Сжатие со-

4 В отличие от советологов историки-русисты проявили в этом отношении куда большую проницательность. В частности, Джеймс Биллингтон, будущий директор библиотеки Конгресса США, в книге «Икона и топор» еще в 1966 г. предсказывал, что современный ему советский строй подвержен стремительному перерождению и, по сути, не имеет шансов на историческое воспроизводство [Биллингтон, 2001, с. 683–684].

ветской сферы влияния Фукуяма принял за временную перегруппировку с целью ее последующей консолидации. Он пришел к выводу, что изменения в стратегии СССР имеют скорее стилистический, нежели фундаментальный характер. Таким образом, всего за полгода до падения Берлинской стены будущий автор торжественного манифеста о победе Запада в «холодной войне» не предрекал «империи зла» близкого исторического крушения. Умозаключения Фукуямы оказались по меньшей мере банальны, а прогнозы издевательски ошибочны [Fukuyama, 1989].

Лишь начиная с 1990 г. в докладах экспертов RAND между строк начало читаться победное ликование⁵. По иронии судьбы стратегическая аналитика, равно как и разведка, иногда способна не только не увидеть надвигающуюся на страну опасность [Джервис, 2020], но и не распознать близкого успеха. Долгожданная победа в «холодной войне» случилась для США неожиданно.

Современная Россия в оценках экспертов RAND Corporation

После 1991 г. внимание экспертно-аналитических кругов США постепенно переключилось на Китай. Его экономические успехи вызывали растущую обеспокоенность, хотя и не создавали для Вашингтона прямых угроз. Россия надолго ушла в тень и вплоть до середины 2010-х годов не привлекала к себе повышенного исследовательского внимания. Несмотря на это, в общей иерархии угроз официальные доктринальные документы США все же отводили Москве второе место после Китая,

помещая ее впереди Северной Кореи, Ирана и террористических организаций радикальных исламистов⁶.

С точки зрения американских экспертов, Россия воплощает краткосрочный вызов, Китай же – среднесрочный и долгосрочный. В представлении американцев относительная неэффективность российской экономики оправдывает взгляд на Москву лишь как на временную и ситуационную проблему. Агрессивность России якобы имеет под собой субъективные причины и проистекает главным образом из иррациональных личных мотивов В.В. Путина. Иначе говоря, Россия – это уходящая натура. Сегодня она слабее, чем был Советский Союз 50 годами ранее, а еще через 50 лет она будет слабее, чем сегодня. Затяжной демографический кризис и относительно низкие темпы прогнозируемого экономического роста окончательно вытеснят ее на периферию мировой политики. Иное дело Китай, могущество которого покоится на прочном экономическом фундаменте [Dobbins, Shatz, Wyne, 2018].

Итак, эксперты RAND полагают, что внешнеполитические амбиции Москвы не соответствуют ее объективным возможностям, поскольку буксующая экономика просто не генерирует необходимого объема ресурсов. В отличие от России экономика Китая будет расти значительно более высокими среднегодовыми темпами. Скорее всего они превзойдут американские, хотя США продолжат лидировать в качественном наполнении этого роста и сохраняют над Китаем общее технологическое превосходство. В октябре 2018 г., на момент публикации доклада, посвященного соотношению российской и китайской

5 См.: [Alexander, 1990; Gelman, 1990; Horelick, 1990; Van Oudenaren, 1990; Wolf, 1990].

6 The National Military Strategy of the United States of America 2015. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015, Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington D.C. (2018) // <https://fas.org/man/eprint/nms-2015.pdf>, дата обращения 10.08.2021.

угрозы, номинальный российский ВВП был меньше, чем у Бразилии, Италии и Канады, и немногим превосходил южнокорейский. Однако сильной стороной России и основным ее козырем в международном соперничестве остается военное могущество. Оно выводит страну из той весовой категории, в которую ее формально можно было бы поместить, принимая во внимание сравнение только лишь экономических показателей [Dobbins, Shatz, Wyne, 2018, p. 16].

Российская сфера влияния в оценках американских экспертов

Как можно предположить, постсоветское пространство не относится к числу приоритетных направлений американской внешней политики. По степени стратегической важности оно уступает Латинской Америке, Азиатско-Тихоокеанскому региону, Ближнему Востоку и Западной Европе, опережая разве что Африку, Южную и Юго-Восточную Азию. Военное присутствие США в непосредственной близости от российских границ остается в целом незначительным. В острых кризисных ситуациях 2008 и 2014 гг. это развязывало России руки и до известной степени позволяло отстаивать собственные интересы без оглядки на Вашингтон. Многомиллиардные капиталовложения в реконструкцию армии и оборонной промышленности в течение последних 15 лет обеспечили России подавляющее военно-техническое превосходство над любым постсоветским государством [Барабанов, 2010].

По всей видимости, Вашингтон и Москва придерживаются принципиально несходных взглядов на доктринальные основы международных отношений. США отталкиваются от

презумпции равного статуса всех субъектов этих отношений и лишь за собой признают право на особую регулируемую роль. С другой стороны, Россия, очевидно, мыслит некую географическую область, в пределах которой она обладает исторически обусловленным правом на особые интересы.

Вместе с тем общим местом недавних докладов *RAND Corporation*, посвященных постсоветскому пространству, остается признание ограниченного характера российских внешнеполитических устремлений. Их круг достаточно строго очерчен так называемым ближним зарубежьем. Причем даже внутри этих границ, с точки зрения России, сохраняется градация приоритетов, поскольку значение Украины и Белоруссии, безусловно, превосходит важность закавказского и туркестанского направлений. По мнению американских экспертов, политическая элита путинской России внутренне не приемлет сложившийся после 1991 г. Беловежский статус-кво. Он подчеркивает историческое унижение России и видится угрозой национальной безопасности. Важной особенностью российских амбиций является отсутствие в отличие от эпохи «холодной войны» сколько-нибудь жестких идеологических рамок, обрамляющих желаемую конфигурацию мирового порядка.

Характерно, что, по мнению американских аналитиков, притязания Москвы не распространяются на Прибалтику. Здесь *RAND* фактически солидарна с российской публичной риторикой, давно не относящей Балтийский регион к «ближнему зарубежью». Маловероятно, что в стратегическом смысле Восточная Европа имеет для США большее значение, чем постсоветское пространство. Вместе с тем официально закрепленные обязательства перед членами Североатлантического альянса связаны для Вашингтона с повышенной от-

ветственностью. Поскольку прибалтийские республики входят в НАТО, их защита от потенциальной российской агрессии, даже если в российской экспертной среде подобные опасения считаются свидетельством паранойи⁷, вызывает у США более серьезную обеспокоенность, нежели сохранение территориальной целостности Украины или желаемый транзит власти в сопредельной Белоруссии. Психологическая граница между НАТО и условно нейтральными странами, по всей видимости, выражена у американского истеблишмента предельно четко.

Хотя в RAND согласны с тем, что Россия не посягает на независимость прибалтийских республик, американские аналитики по-прежнему рассматривают Балтийский регион как арену возможного конфликта⁸. Американские сухопутные войска в Восточной Европе не в полной мере отвечают задаче сдерживания России. С декабря 2020 г. на ротационной основе там была размещена 1-я бригадная боевая группа 1-й кавалерийской (танковой) дивизии. Она насчитывала около 3500 человек, 90 танков и 150 БТР и БМП. Ротация бригадных боевых групп осуществляется через каждые 9 месяцев. В связи с этим некоторые авторы считают целесообразным размещение в Польше дополнительной тяжелой бригадной боевой группы на постоянной основе. Европейское командование Вооруженных сил США имеет в непосредственном подчинении более 15 военно-административных структур. В то же время внутри этого регионального командования после вывода из Германии в 2008 г. боевого управления 1-й танко-

вой дивизии отсутствует дивизионное звено, что сильно запутывает командную структуру [Boldt, 2018, pp. 51–53].

В 2020 г. на Европейском театре американцы располагали силами численностью примерно 29–30 тыс. человек, из которых 24 тыс. несли службу на постоянной, а 4 тыс. – на ротационной основе. При этом основная масса людей относилась к вспомогательным частям и войскам обеспечения. На постоянной основе в Европе базировались лишь две армейские бригады. Это так называемый 2-й кавалерийский полк (фактически – бригадная боевая группа, укомплектованная различными типами боевой техники, созданными на базе универсальной авиатранспортабельной 8-колесной платформы «Страйкер») в районе германского города Фильзек, а также 173-я воздушно-десантная бригада, расквартированная близ итальянской Виченцы. В совокупности силы обеих бригад насчитывали 7500 человек, объединенных в семь батальонных тактических групп [Hicks, Conley, 2016, pp. 18–19].

Чтение разнообразных сценариев российского блицкрига в Прибалтике, конечно, увлекательно⁹, но все же наиболее острым моментом разногласий России и США в отношении основ международного порядка является вопрос о статусе Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины. Наша страна рассматривает эти страны как область своих особых интересов. США, напротив, видят в них свободные, суверенные государства, имеющие право покинуть гравитационное поле Москвы и присоединиться к западным интеграционным объединениям [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

7 См., например: Пухов Р.Н. (2016). Наша карта Африки // Ведомости. 15 июля 2016 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/15/649326-nasha-karta-afriki>, дата обращения 10.08.2021.

8 См.: [Boston et al., 2018; Radin, 2017; Cohen, Radin, 2019; Radin et al., 2019].

9 К примеру, по расчетам, проведенным в 2016 г., делался вывод, что при существовавших на тот момент военных возможностях США на восточноевропейском фланге НАТО Российская армия в случае прямого вооруженного столкновения подойдет к Риге и Таллину через 36–60 часов [Shlapak, Johnson, 2016, pp. 4–5].

На официальном уровне США признают неотъемлемое право Украины добиваться вступления в НАТО и Евросоюз, однако неофициально, чтобы лишний раз не раздражать Москву, фактически откладывают решение данного вопроса на неопределенное время. С теми или иными нюансами Вашингтон придерживается этого подхода в отношении всех стран, относимых Россией к «ближнему зарубежью». После 2014 г. США предложили Украине военную и экономическую помощь, но в то же время они тщательно ограничили и регламентировали ее характер и объем. От передачи Вооруженным силам Украины боевых средств поражения Вашингтон вплоть до весны 2018 г. воздерживался [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Стремление оказать Украине помощь сдерживалось нежеланием брать на себя прямые обязательства в части гарантий ее территориальной целостности. Все более туманные перспективы присоединения Киева к Североатлантическому альянсу и Евросоюзу, а также скромные масштабы военных поставок, как полагают аналитики RAND, рискуют подорвать веру украинского общества в целесообразность интеграции с Западом [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Как предположили специалисты корпорации, сложившаяся дилемма имеет два варианта решения. Во-первых, США могут пойти на компромисс с существующими концепциями либерального миропорядка, ограничив дальнейшее расширение НАТО и Евросоюза. Иными словами, неформальные барьеры, возведенные на пути приема бывших советских республик в евро-атлантические структуры, следует формализовать и узаконить. Естественно, подобный подход вступит в противоречие с прежними декларациями. Блокирование дальнейшего расши-

рения НАТО и Евросоюза, признание российских интересов на постсоветском пространстве, а также выработка для буферных государств неких альтернативных механизмов взаимодействия с Западом, повлечет за собой дискредитацию многих прежних идеологических установок. Как предположили авторы аналитического обзора, столь смелый и принципиальный внешнеполитический акт способен радикально разрядить международную обстановку и снять многие опасения, накопившиеся у Москвы в отношении Соединенных Штатов. В этом случае линия внешнеполитического поведения России может смягчиться, и США будут вправе рассчитывать на взаимопонимание в таких чувствительных вопросах, как борьба с терроризмом, давление на Иран и ограничение ядерного потенциала КНДР. Вместе с тем, полагают эксперты, подобный компромисс может скрывать значительные риски. Твердой уверенности в том, что Россия ответит на американскую инициативу взаимностью, у США нет. Рука, протянутая для примирения, может быть понята и как проявление слабости. Сегодня умеренность внешнеполитических целей Москвы не подлежит сомнению, и воображаемая Кремлем сфера влияния, очевидно, не включает страны НАТО. Однако кто поручится за то, что завтра взоры России вновь не устремятся на Прибалтику и Восточную Европу. Демонстративное оставление Украины за порогом НАТО и ЕС вызовет у других восточноевропейских партнеров США закономерный вопрос относительно искренности деклараций Вашингтона о коллективной безопасности. Наконец, прагматичное соглашение с Россией и компромисс с либеральным мессианизмом будет сложно объяснить американскому общественному мнению. В Европе же эта сделка отразится гулким ялтинским эхом 1945 г., когда судь-

бы целых народов вершились победителями по своему произволу [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Во-вторых, можно принять зеркальное решение и пойти на ускоренную интеграцию в НАТО и ЕС тех республик бывшего СССР, кто изъявит такое желание. Одновременно следует инициировать широкий спектр военно-политических мер для нейтрализации российского противодействия. Преимущества такой политики заключались бы в ее общем соответствии американским интересам и провозглашаемым ценностям. Однако тот европейский порядок, воплощением которого данная политика могла бы служить, будет встречен Россией с заведомым и яростным неприятием. Рассматривая возводимый против нее «санитарный кордон» в качестве источника прямой и непосредственной угрозы, Москва сохранит сильнейшую мотивацию к тому, чтобы добиваться его разрушения. Россия, полагают авторы доклада, будет противодействовать американской политике со всей возможной энергией. Рост ее враждебности в отношении США уничтожит последние точки конструктивного взаимодействия, сохраняющиеся между двумя странами. Все это резко увеличит конфликтный потенциал и общую взрывоопасность международной обстановки [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Завершив разбор двух крайних альтернатив, авторы доклада все же предположили, что ни один из вышеописанных сценариев не будет претворен в жизнь в чистом виде. Следовательно, в вопросе стратегического сдерживания России американская политика будет оставаться пластичной и в целом невинной [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Тема сдерживания легла в основу еще одного доклада, получившего название «Перенапряжение России». Его авторы сначала старательно обозначи-

ли уязвимые точки в российской экономике, политической системе и Вооруженных силах, а затем предложили рецепты, как им казалось, наиболее эффективных и наименее затратных способов воздействия на них. Например, в разделе возможных экономических мер фигурировали: препятствие экспорту нефти и природного газа, ужесточение санкций и помощь дальнейшей «утечке мозгов». В части политико-стратегических мер предлагалось размещение в Восточной Европе дополнительных контингентов сухопутных войск, предоставление Украине помощи вооружением и боевой техникой, увеличение объемов помощи сирийским повстанцам, содействие смене режима в Белоруссии, использование напряженности в Закавказье, ограничение российского влияния в Центральной Азии и Молдавии. Не остались без внимания и меры информационно-идеологического влияния на общественное мнение внутри самой России [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Итак, бухгалтерская логика экономического детерминизма не предусматривает наделение особыми правами и прерогативами страны, чей номинальный ВВП находится где-то между итальянским и южнокорейским. Еще менее вероятен сценарий пусть даже частичной ревизии Вашингтоном господствующей либерально-эгалитарной догматики в угоду прагматичной сделке с недемократической Россией.

Проекция силы по-русски

В 2020 г. RAND выпустила доклад, посвященный возможным последствиям неконтролируемой военной эскалации на востоке Украины [Connable et al., 2020]. Любопытно, что избранная американцами тема перекликалась с моей собственной статьей, напечатан-

ной журналом «Контурь глобальных трансформаций» четырьмя годами ранее [Кривопалов, 2016]. Наряду с Донбасским направлением, которому было уделено наибольшее внимание, авторы моделировали различные варианты усиления российского присутствия на территории Казахстана, Таджикистана, Сербии, Сирии, Венесуэлы и Курильских островов.

Заказчиком исследования выступила канцелярия заместителя начальника штаба сухопутных войск США генерал-майора У. Хикса. Авторский коллектив сформулировал два основных исследовательских вопроса: 1) на каком удалении и насколько быстро Россия способна развертывать контингенты сухопутных войск; 2) какое влияние на потенциальное российское военное развертывание оказывают такие факторы, как расстояния, рельеф местности, политическая обстановка и возможности тылового обеспечения. Доклад состоит из двух частей. Вторая часть по названию идентична первой, однако содержит подзаголовок «Сценарии». На ее страницах моделируются различные варианты участия российских сухопутных войск в региональных конфликтах [Connable et al. *Scenarios*, 2020].

Авторы исходят из предположения, что к 2014 г. России удалось в значительной степени восстановить ту военную мощь, что была утрачена в результате распада советского государства. Основное внимание, и в этом, по всей видимости, проявилось влияние заказчика, было обращено на российские сухопутные войска. Эксперты RAND обосновывали это тем, что развертывание сухопутных сил обеспечивает наилучший эффект в плане «проекции силы» по сравнению с развертыванием одной

лишь авиации или флота. Очевидно, этой же точки зрения придерживается командование Армии США¹⁰. Действия флота и ВВС, конечно, связаны целым рядом ограничений, но в их пользу работают международные соглашения, гарантирующие относительную свободу сообщений по морю и воздуху. Развертывание же на суше отражает региональное и глобальное влияние соответствующей державы. Если морские и воздушные силы могут быть использованы независимо от прочих компонентов, сухопутное развертывание требует совместных комбинированных операций.

Отсутствие глобальной морской мощи затрудняет России «проекцию силы» вдали от периметра границ [Connable et al., 2020], однако по сравнению с 1990-ми годами в области военного строительства страна добилась внушительных успехов. Вместе с тем рост возможностей Российской армии в плане «проекции силы» впечатляет лишь в том случае, если принимать за точку отсчета упадок в 1990-е годы. За последние 30 лет единственным примером развертывания крупных сил за пределами государственных границ России стала операция в поддержку правительства Б. Асада в Сирии, в то время как СССР осуществлял подобные «проекции силы» неоднократно и со значительно большим размахом. Развертывание на Кубе в 1962 г. и в Египте в 1970 г., наведение «воздушного моста» в Сирию и Египет во время Октябрьской войны 1973 г. (войны Судного дня), переброска кубинского экспедиционного корпуса в Огаден в 1978 г., а также ввод войск в Афганистан в 1979 г. по своим масштабам до сих пор остаются для России непревзойденными [Clark, 1980].

10 Фактически в американских вооруженных силах *U.S. Army* является аналогом командования сухопутных войск.

К концу 1980-х годов численность сухопутных войск в 4-миллионной Советской армии достигала 2,1 млн человек. Сегодня в сухопутных силах России имеется не более 350 тыс. человек, то есть 20% от прежнего количества. Также на 1 января 1992 г. Россия получила в свое распоряжение более 500 самолетов военно-транспортной авиации грузоподъемностью 29 630 т. К 2017 г. в строю насчитывалось примерно 100 машин грузоподъемностью 6240 т, или пятая часть того, что досталось Москве в результате раздела советских arsenалов. Советский военно-морской флот насчитывал более 80 транспортных и десантных кораблей, способных единовременно поднять 603 танка. К 2017 г. осталось менее 20 кораблей, вмещающих 203 танка, что составляло треть от былых возможностей [Connable et al., 2020, p. 56].

Предельная численность того контингента, что способна развернуть Россия на значительном удалении от своих берегов, может колебаться в зависимости от конкретных условий между батальонной тактической группой и бригадной боевой группой. Основными сдерживающими факторами остаются слабость транспортной компоненты и относительно малое количество тяжелых соединений с ускоренными сроками развертывания. Сохранение в России смешанной системы комплектования войск личным составом вынуждает командование во всех крупных операциях полагаться на военнослужащих срочной службы. По внутриполитическим соображениям рисковать их жизнями вдали от дома, как правило, всегда нежелательно.

Возможности развертывания внутри страны для России ничем не ограничены. Возможности в 13 сопредельных странах оцениваются как значительные. Еще в 12 странах они средние благоприятны. Развертывание в

17 странах затруднительно, во всех остальных – практически невозможно. Чем дальше от российских границ, делают американцы тривиальный вывод, тем сложнее будет России «проецировать силу».

Сценарий потенциального развертывания на украинской границе и 425-километровой линии условного прекращения огня на Донбассе в силу его зависимости от многих конкретных условий рассматривался в докладе более подробно. Украинское направление для российской тыловой инфраструктуры относится к наиболее благоприятным с точки зрения географической доступности.

Оценочная численность российской группировки, способной принять участие в операции на Левобережной Украине, достигает 130 тыс. человек [Connable et al. *Scenarios*, 2020, pp. 31–37]. Из них примерно 83 тыс. человек относятся к сухопутным войскам. В эшелоне прикрытия на украинской границе готовыми к немедленным действиям стоят 3-я, 144-я и 150-я мотострелковые дивизии. Они находятся под управлением штабов 8-й и 20-й армий, соответственно Южного и Западного военных округов.

Поскольку Россия, скорее всего, сможет выбирать время и место решительных действий, маловероятно, полагают сотрудники RAND, что подобная операция может начаться «с колес». Опять же вследствие особенностей системы комплектования американцы считают, что большинство соединений не может быть развернуто одномоментно. Вероятно, их выдвижение будет осуществляться «волнами», включающими один-два полка от каждой дивизии. Это, однако, не распространяется на соединения воздушно-десантных войск, отличающихся повышенной боеготовностью. В течение 10 дней на линию границы может быть направ-

лено до половины всех сил, предназначенных для усиления эшелона прикрытия. В течение еще 20 дней должна прибыть вторая половина. Численность войск, способных влиться в первоначальный эшелон прикрытия на последующих этапах конфликта, оценивается в 45 тыс. человек.

Сразу же бросаются в глаза искусственность и схематизм американских расчетов. Например, 3-я, 144-я и 150-я мотострелковые дивизии показаны типовыми и якобы состоящими из трех мотострелковых и одного танкового полка каждая. Эксперты *RAND* совершенно не учитывают, что крупные общевойсковые соединения Российской армии заметно различаются как по своему составу, так и по техническому оснащению. Вследствие застарелой, еще советской, проблемы разнотипности и слабой унификации материальной части в России нет двух полностью одинаковых бригад, не говоря уже о дивизиях.

Авторы не воспользовались последними версиями такого известного справочника, как сборник *The Military Balance*, который обновляется ежегодно. Хотя доклад *RAND* вышел в 2020 г., авторы почему-то опирались на сборник 2017 г. В этом издании сведения о составе 3-й, 144-й и 150-й дивизий не приводились. Соединения именовались находящимися в процессе формирования [*The Military Balance*, 2017, p. 212].

Как правило, аналитические доклады *RAND* отличаются высококачественной цветной инфографикой для визуализации основных выводов. В докладе 2020 г. красивая инфографика присутствует в изобилии, однако ее содержание оставляет вопросы. Приводимые в докладе схемы организационно-штатной структуры Российской армии изобилуют множеством крупных и мелких неточностей. Ошибки встречаются даже в боевом расписании, кото-

рое при минимальном знании русского языка с примерной детализацией до полка можно было подготовить по Википедии.

Совершая экскурсии в историю, подавление антисоветского восстания в Венгрии и уличные бои в Будапеште авторы относят не к 1956, но к 1954 г. Была допущена ошибка и в названии страны, ставшей в декабре 1979 г. объектом ввода советских войск. Вместо Афганистана в таблице указан Таджикистан [*Connable et al.*, 2020, p. 67]. Складывается ощущение, что авторы ужасно торопились и, понадеявшись на силу фирменного бренда *RAND Corporation*, решили, что никто не станет с пристрастием проверять их работу.

Расчеты пропускной способности железных дорог, а значит, и прогнозы сроков развертывания стратегического фронта, даны лишь в самом общем приближении. По мнению американских специалистов, конкретный состав ударной группировки на украинском направлении может варьироваться. Если позволит время, русские стянут на границу большинство соединений, дислоцированных в европейской части страны.

Как полагают американские аналитики, в течение 10 дней на украинскую границу могут быть направлены восемь мотострелковых полков, четыре танковых полка, танковая бригада, воздушно-десантная и десантно-штурмовая дивизии Западного военного округа. В качестве средств усиления авторы указали бригаду спецназначения, две артиллерийские бригады, бригаду и два полка ПВО, а также ракетную бригаду. Затем в течение 20 дней к этим силам могут присоединиться: два мотострелковых полка, мотострелковая бригада, два танковых полка, танковая бригада, разведывательная бригада, два противотанковых дивизиона, две артиллерийские бригады, два полка самоход-

ной артиллерии, полк и бригада ПВО, ракетная бригада и воздушно-десантная дивизия.

Из состава сил Южного военного округа в течение 10 дней на украинскую границу могут быть направлены две мотострелковые бригады, десантно-штурмовая дивизия, две бригады морской пехоты, ракетная бригада береговой обороны. В течение 20 дней к ним могут присоединиться еще три мотострелковых полка, два танковых полка, горно-стрелковая бригада, два противотанковых артиллерийских полка, полк сил специальных операций, полк самоходной артиллерии, три артиллерийские бригады и артиллерийский полк, бригада и полк ПВО.

Из Центрального военного округа в течение 10 дней может прибыть танковая дивизия. В течение 30 дней к ним присоединятся батальонные тактические группы, образованные на базе одного мотострелкового и четырех танковых батальонов. Вторая волна резервов вольется в первую в лучшем случае через 28–30 дней.

Таким образом, в качестве ближних и дальних резервов российской ударной группировки авторы размашисто перечисляют соединения 49-й армии Южного военного округа, 1-й танковой армии Западного военного округа, 90-ю танковую дивизию Центрального военного округа, а также отдельные батальонные тактические группы из Сибири и Дальнего Востока. Откровенно говоря, все это выглядит наукообразным набором случайных цифр. Необходимые войскам материальные запасы вообще не были приняты во внимание. Авторы ограничиваются многозначительной оговоркой, что для подобных грузоперевозок требуется как минимум то же число железнодорожных со-

ставов, что и для перемещения войск. Также эксперты *RAND* честно признаются в невозможности хотя бы приблизительно указать, какое количество людей и техники может двинуться на границу своим ходом по шоссе. В этом случае тем более странно рассматривать в качестве резервов для украинского направления те российские соединения, что в мирное время дислоцируются восточнее меридиана Волги. При резком обострении военной обстановки на Донбассе их перемещение на запад по железной дороге в сколько-нибудь разумные сроки просто исключено.

Как предположили авторы, в течение 10 дней на российско-украинскую границу могут быть направлены 4155 единиц гусеничной и 1600 единиц колесной техники. В течение 20 дней к ним присоединятся 2393 единицы гусеничной и 983 единицы колесной техники. В течение 30 дней, соответственно, еще 506 и 243 машины. В течение 10 дней на потенциальный театр боевых действий могут прибыть 66 железнодорожных эшелонов и 3624 вагона. В течение 10–20 дней к ним добавится 41 эшелон и 2298 вагонов, а в течение 30 дней еще 10 эшелонов и 497 вагонов. Из американских вычислений следует, что в эшелоны должна грузиться только техника без людей и запасов.

В годы Второй мировой войны, естественно с поправкой на технический уровень того времени, примерно 70 железнодорожных эшелонов выделялось для перемещения одной только пехотной дивизии. Для переброски танковой дивизии их требовалось минимум 100. Именно таких нормативов, к примеру, придерживался германский вермахт в ходе стратегического сосредоточения накануне операции «Барбаросса»¹¹. Сложно вообразить, что силы,

11 Иванов С.П. (ред.) (1974). Начальный период войны. М.: Воениздат. С. 188–191.

эквивалентные нескольким расчетным дивизиям, разместятся в 66 железнодорожных составах. Сами авторы неоднократно напоминают о том, что в случае перевозки чего-либо кроме штатного комплекта боевой техники потребность в подвижном составе автоматически возрастет в несколько раз. Все это делает придуманный американцами график сосредоточения полностью бессмысленным.

Рискну предположить, что вопиющее неправдоподобие расчетов мобилизационных перевозок отчасти проистекает из весьма поверхностного знакомства американских экспертных кругов с принципами стратегического сосредоточения на суше. В геополитическом смысле Америка была и остается островом. Широкомасштабные железнодорожные перевозки, сопровождавшие сжатое во времени одноактное мобилизационное развертывание, которое в XIX–XX вв. предвещало военное столкновение крупных континентальных государств, лежали вне пределов эмпирического опыта американской военной машины. Подобно тому, как ни один российский или советский адмирал никогда не командовал в бою авианосным оперативным соединением, США за свою 250-летнюю историю ни разу не развертывали стратегический фронт в ходе одноактного отмобилизования армии мирного времени.

***

Итак, пришло время подвести итоги. Первое наблюдение, которое можно сделать, ознакомившись с трудами *RAND Corporation* по современной России, это общее снижение качества аналитических материалов. Современные *Research Papers*, посвященные боевым возможностям российских Вооруженных сил, даже с поправкой на тесные рамки жанра, выглядят скороспелы-

ми и сырыми по сравнению с аналогичными материалами 1970–1980-х годов. В смысле проницательности и глубины анализа современным обзорам далеко до «длинной телеграммы» Джорджа Кеннана. Иногда в американской экспертной среде это признается открыто. Правда, не в *RAND Corporation*, но в трудах командно-штабного колледжа форта Ливенворт – основной кузницы кадров для высших штабов армии США [Nash, 2013].

Сильной стороной докладов *RAND* можно назвать абсолютную раскованность их авторов в моделировании различных сценариев взаимодействия США и России. Приходится признать тот факт, что отечественная международная аналитика стиснута рамками самоцензуры гораздо плотнее американской. Российская экспертиза излишне сдержанна в оценках, зависима от посторонних мнений и недостаточно публична, что во многом девальвирует ее значение. Сложно представить, чтобы официальный научно-экспертный центр в нашей стране открыто опубликовал доклад под рабочим названием «Как выдать США с постсоветского пространства», тогда как в материалах *RAND* желаемое «перенапряжение России» обсуждается с простодушным цинизмом.

Второе важное наблюдение состоит в том, что военная мощь Москвы превосходит тот уровень стратегической поддержки, который без значительных дополнительных ассигнований США могут гарантировать восточноевропейским членам НАТО и тем постсоветским государствам, что избрали прозападную ориентацию. Строго говоря, американская армия просто не имеет свободных резервов для надежного сдерживания России. Между строк *Research Papers* это можно прочесть отчетливо. Если такой вывод верен, в будущем США придется ли-

бо договариваться с Кремлем на неких взаимоприемлемых условиях, либо согласиться на значительные дополнительные затраты. Однако до тех пор, пока не завершится кризис на Ближнем Востоке и не утратит своей актуальности сдерживание Китая, убедить общественность в необходимости новых и немалых капиталовложений будет непросто.

Обзорные работы RAND объединяет стремление отыскать в текущей российской стратегии некую систему. Те ситуативные, хаотичные и во многом реактивные действия на дальних и ближних подступах к нашим границам, что выражают будничную сущность российской внешней политики, в США склонны изображать в качестве некой долгосрочной программы. Отчасти экспертное сообщество может искренне переоценивать возможности объекта своего многолетнего изучения, отчасти им может двигать желание продать свой товар по завышенной цене.

Симптоматична сама готовность обсуждать *pro et contra* возможного признания за Россией сферы влияния. До 2014 г. ревизия итогов распада СССР предметом для дискуссии в США вообще не являлась. Следовательно, умеренно жесткая линия, взятая Москвой в отношении Киева, несмотря на всю ее непоследовательность и внутреннюю противоречивость, отчасти себя оправдала. Наиболее тяжкие последствия «беловежской капитуляции», болезненные для национальной гордости и неприемлемые с точки зрения безопасности, вряд ли могут быть немедленно пересмотрены. Однако именно в силу того, что проистекающие из них проблемы лежат на периферии интересов американской сверхдержавы, корректировку сложившегося статус-кво в будущем можно будет сделать предметом торга и диалога.

Список литературы

Барабанов М.С. (ред.) (2010). Новая армия России. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

Биллингтон Д.Х. (2001). Икона и топор. Опыт истолкования истории Русской культуры. М.: Рудомино.

Джервис Р. (2020). Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

Кривопалов А.А. (2016). Военные возможности России на фоне украинского кризиса // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 5. С. 41–58. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-41-58

Кузнецов А.В. (ред.) (2020). Феномен Трампа. М.: ИНИОН.

Adomeit H. (1986). Soviet Crisis Prevention and Management: Why and When Do the Soviet Leaders Take Risks? Santa Monica: RAND Corporation.

Alexander A.J. (1990). Perestroika and Change in Soviet Weapons Acquisition, Santa Monica: RAND Corporation.

Alexiev A. (1988). Inside the Soviet Army in Afghanistan, Santa Monica: RAND Corporation.

Becker A.S., Horelick A.L. (1989). Managing U.S. - Soviet Relations in the 1990-s, Santa Monica: RAND Corporation.

Boldt K.W. (2018). Filling the Gap of U.S. Deterrence Policy: Poland and the Future of U.S. Military Posture in Europe, Fort Leavenworth.

Boston S., Johnson M., Beauchamp-Mustafaga N., Crane Y.K. (2018). Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe Implication for Countering Russian Local Superiority, Santa Monica: RAND Corporation.

Clark S. (1980). Soviet Strategic Airlift and Power Projection, Fort Leavenworth.

Cohen R.S., Radin A. (2019). Russia's Hostile Measures in Europe. Understan-

ding the Threat, Santa Monica: RAND Corporation.

Connable B., Doll A., Demus A., Massicot D., Reach C., Adler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). *Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations*, Santa Monica: RAND Corporation.

Connable B., Doll A., Demus A., Massicot D., Reach C., Adler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). *Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations. Scenarios*, Santa Monica: RAND Corporation.

Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. (2019). *Extending Russia. Competing from Advantageous Ground*, Santa Monica: RAND Corporation.

Dobbins J., Shatz H.J., Wyne A. (2018). *Russia Is a Rogue, not a Peer; China is a Peer, not a Rogue*, Santa Monica: RAND Corporation.

Fukuyama F. (1989). *Gorbachev and the New Soviet Agenda in the Third World*, Santa Monica: RAND Corporation.

Gelman H. (1982). *The Soviet Far East Buildup and Soviet Risk-Taking against China*, Santa Monica: RAND Corporation.

Gelman H. (1988). *The Soviet Military Leadership and the Question of Soviet Deployment Retreats*, Santa Monica: RAND Corporation.

Gelman H. (1990). *Gorbachev's First Five Years in the Soviet Leadership. The Clash of Personalities and the Remaking of Institutions*, Santa Monica: RAND Corporation.

Goldhamer H. (1975). *The Soviet Soldier. Soviet Military Management at the Troop Level*, New York: Crane, Russak and Company, Inc.; London: LeoCoopeLtd.

Gustafson T. (1983). *The Soviet Gas Campaign. Politics and Policy in Soviet*

Decisionmaking, Santa Monica: RAND Corporation.

Hicks K.H., Conley H.A. (2016). *Evaluating Future U.S. Army Force Posture in Europe. Phase II Report*. June 2016, Washington: CSIS.

Horelick A.L. (1990). *U.S. – Soviet Relations: Threshold of a New Era*, Santa Monica: RAND Corporation.

Lambeth B.S. (1975). *Selective Nuclear Operations and Soviet Strategy*, Santa Monica: RAND Corporation

Lambeth B.S. (1976). *Selective Nuclear Options in American and Soviet Strategic Policy*, Santa Monica: RAND Corporation.

Marshall A.W. (1972). *Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for Strategic Analysis*, Santa Monica: RAND Corporation.

Nash L. (2016). *A Contemporary "Long Telegram": Explaining Russian Behaviour*, Fort Leavenworth.

Radin A. (2017). *Hybrid Warfare in the Baltics: Threats and Potential Responses*, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Davis L.E., Geist E., Han E., Massicot D., Povlock M., Reach C., Boston S., Charap S., Mackenzie W., Migacheva K., Johnston T., Long A. (2019). *Future of the Russian Military*, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Reach C. (2017). *Russian Views of the International Order*, Santa Monica: RAND Corporation.

Sadykiewicz M. (1987). *Soviet-Warsaw Pact Western Theatre of Military Operations: Organization and Missions*, Santa Monica: RAND Corporation.

Shlapak D.A., Johnson M. (2016). *Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank: Wargaming the Defense of the Baltics*, Santa Monica: RAND Corporation.

The Military Balance (2017), Washington, D.C.: The International Institute for Strategic Studies.

Van Oudenaren J. (1986). *Soviet Policy toward Western Europe. Objectives, Instru-*

ments, Results, Santa Monica: RAND Corporation.

Van Oudenaren J. (1990). The Role of Shevardnadze and the Ministry of Foreign Affairs in the Making of Soviet Defense and Arms Control Policy, Santa Monica: RAND Corporation.

Warner E.L. (1989). The Defense Policy of the Soviet Union, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolf Jr. C.F. (1990). Defense and the Macroeconomy in the Soviet Union, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolfe T.W. (1972). Soviet Naval Interaction with the United States and Its Influence on Soviet Naval Development, Santa Monica: RAND Corporation.

Science and Higher Education

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

RAND Looks at Moscow: Russia's Strategic Capabilities and the Post-Soviet Space in the Assessments of American Experts

Alexey A. KRIVOPALOV

PhD in History, Senior Researcher, Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

CITATION: Krivopalov A.A. (2021). RAND Looks at Moscow: Russia's Strategic Capabilities and the Post-Soviet Space in the Assessments of American Experts. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 193–211 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

Received: 25.04.2021.

ABSTRACT. *This paper looks at a series of analytical reports published in 2015–2020 by the RAND Corporation focused on Russia, its armed forces and the policies pursued by Moscow on the territory of the former Soviet Union. The assumption by the author is that the expert community in the United States can exert greater influence on US foreign policy than is generally accepted in Russia. Historically, in the United States, there has been a strong link between expert*

consideration of any given policy and its subsequent implementation. Reports published by RAND help assess the role that Russia and the former Soviet Union play on the list of US national security priorities. Does Washington understand the domestic-policy motives of Russia's actions on the international stage? What is America's overall assessment of Russia's military capabilities? Finally, what is the extent of Washington's willingness to seek compromise with

Moscow and its foreign policy aspirations? The source analyzed in the paper can shed some light on how the political community in the United States views the future of the rivalry between Russia and America.

KEYWORDS: *Russia, USA, post-Soviet space, strategy, foreign policy, Ukraine, RAND Corporation.*

References

- Adomeit H. (1986). *Soviet Crisis Prevention and Management: Why and When Do the Soviet Leaders Take Risks?* Santa Monica: RAND Corporation.
- Alexander A.J. (1990). *Perestroika and Change in Soviet Weapons Acquisition*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Alexiev A. (1988). *Inside the Soviet Army in Afghanistan*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Balabanov M.S. (ed.) (2010). *Russia's New Army*, Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies (in Russian).
- Becker A.S., Horelick A.L. (1989). *Managing U.S. - Soviet Relations in the 1990-s*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Billington J.H. (2001). *The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture*, Moscow: Rudomino (in Russian).
- Boldt K.W. (2018). *Filling the Gap of U.S. Deterrence Policy: Poland and the Future of U.S. Military Posture in Europe*, Fort Leavenworth.
- Boston S., Johnson M., Beauchamp-Mustafaga N., Crane Y.K. (2018). *Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe Implication for Countering Russian Local Superiority*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Clark S. (1980). *Soviet Strategic Airlift and Power Projection*, Fort Leavenworth.
- Cohen R.S., Radin A. (2019). *Russia's Hostile Measures in Europe. Understanding the Threat*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Connable B., Doll A., Demus A., Masicot D., Reach C., Adler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). *Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Connable B., Doll A., Demus A., Masicot D., Reach C., Adler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). *Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations. Scenarios*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. (2019). *Extending Russia. Competing from Advantageous Ground*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Dobbins J., Shatz H.J., Wyne A. (2018). *Russia Is a Rogue, not a Peer; China is a Peer, not a Rogue*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Fukuyama F. (1989). *Gorbachev and the New Soviet Agenda in the Third World*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Gelman H. (1982). *The Soviet Far East Buildup and Soviet Risk-Taking against China*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Gelman H. (1988). *The Soviet Military Leadership and the Question of Soviet Deployment Retreats*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Gelman H. (1990). *Gorbachev's First Five Years in the Soviet Leadership. The Clash of Personalities and the Remaking of Institutions*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Goldhamer H. (1975). *The Soviet Soldier. Soviet Military Management at the Troop Level*, New York: Crane, Russak and Company, Inc.; London: LeoCoopeLtd.
- Gustafson T. (1983). *The Soviet Gas Campaign. Politics and Policy in Soviet Decisionmaking*, Santa Monica: RAND Corporation.

Hicks K.H., Conley H.A. (2016). *Evaluating Future U.S. Army Force Posture in Europe. Phase II Report.* June 2016, Washington: CSIS.

Horelick A.L. (1990). *U.S. – Soviet Relations: Threshold of a New Era*, Santa Monica: RAND Corporation.

Jervis R. (2020). *Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War*, Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies (in Russian).

Krivopalov A.A. (2016). Russian Military Opportunities in the Context of Ukrainian Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 5, pp. 41–58 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-41-58

Kuznetsov A.V. (ed.) (2020). *The Trump Phenomenon*, Moscow: INION (in Russian).

Lambeth B.S. (1975). *Selective Nuclear Operations and Soviet Strategy*, Santa Monica: RAND Corporation

Lambeth B.S. (1976). *Selective Nuclear Options in American and Soviet Strategic Policy*, Santa Monica: RAND Corporation.

Marshall A.W. (1972). *Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for Strategic Analysis*, Santa Monica: RAND Corporation.

Nash L. (2016). *A Contemporary "Long Telegram": Explaining Russian Behaviour*, Fort Leavenworth.

Radin A. (2017). *Hybrid Warfare in the Baltics: Threats and Potential Responses*, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Davis L.E., Geist E., Han E., Massicot D., Povlock M., Reach C., Bos-

ton S., Charap S., Mackenzie W., Migacheva K., Johnston T., Long A. (2019). *Future of the Russian Military*, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Reach C. (2017). *Russian Views of the International Order*, Santa Monica: RAND Corporation.

Sadykiewicz M. (1987). *Soviet-Warsaw Pact Western Theatre of Military Operations: Organization and Missions*, Santa Monica: RAND Corporation.

Shlapak D.A., Johnson M. (2016). *Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank: Wargaming the Defense of the Baltics*, Santa Monica: RAND Corporation.

The Military Balance (2017), Washington, D.C.: The International Institute for Strategic Studies.

Van Oudenaren J. (1986). *Soviet Policy toward Western Europe. Objectives, Instruments, Results*, Santa Monica: RAND Corporation.

Van Oudenaren J. (1990). *The Role of Shevardnadze and the Ministry of Foreign Affairs in the Making of Soviet Defense and Arms Control Policy*, Santa Monica: RAND Corporation.

Warner E.L. (1989). *The Defense Policy of the Soviet Union*, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolf Jr. C.F. (1990). *Defense and the Macroeconomy in the Soviet Union*, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolfe T.W. (1972). *Soviet Naval Interaction with the United States and Its Influence on Soviet Naval Development*, Santa Monica: RAND Corporation.